

Вырезка из газеты

МОЛОДЕЖЬ
ЭСТОНИИ

27 МАР 1982

г. Таллин

з. 2019

Сегодня —
Международный
день
театра

Человек как человек. Как все мы. Ну, пусть не как все — как многие. Масса забот: ремонт в квартире, жене помочь по хозяйству, ребенка за каплями в аптеку... Бегом, бегом — с троллейбуса на автобус, магазин, если, дом, работа... Стоп! Работа такая, что не бывает — бегом. Если бегом — это уже не театр. Театр требует передышки. Переключения. Наверное, как любая настоящая работа. Только здесь — заметнее. Заметнее, если не переключился. Если не облек в чувства. И в мысли. Пустые глаза выдают с головой. В пустые глаза смотреть не хочется: не веришь им. И зритель в зале не верит. И партнер на сцене.

Лилия Шинкарева верила. Вернее, верила ее Лаура из «Стекланного зверинца» Теннесси Уильямса. Этот Джим был таким, что ему хотелось верить. Как в забытых, тянулся он к этой необыкновенной, незащищенной девочке, связанной с ней неосознанными нитями, связанный духовно. И вдруг, в одно мгновение, эти связи распадались. И сначала было даже непонятно, почему они распадаются. Ведь рядом с Лаурой и Джим был необыкновенным. И страдал не меньше, чем она, от этой жизни. И именно реальность для Джима-Рязанцева становилась трагедией. Не ее порождение, а сама реальность: господи, это же Лаура, беззащитная Лаура. А ему самому нужна защита. И лучше — оттолкнуть. Не под силу груз. Не под силу...
— Отрицательные роли, по-

ложительные — для меня не существует этого деления. Человек! Это не я придумал. Это — вся классика: Достоевский, Шекспир, Чехов... Вы встречали законченных циников? А подлецов? Законченных подлецов? Не пытайтесь вспомнить — не встречали. У каждого — своя боль и своя правда. И в этой своей правде — тайна. И хочется ее разгадать. А если нечего разгадывать, то и играть неинтересно, как неинтересно играть, например, просто пьяного, который лыка не вяжет.

Спектакль «Родительское собрание». Его герой — учитель Павел Петрович. Максимум. Каких не бывает в жизни. Текст роли был редко — несовершенен, но автор нес на сцену (а со сцены это передавалось в зрительный зал) свое собственное чувство гражданственности. И ему верили. И аплодировали. Не тексту — актеру, который его насыщал.

А на одном из спектаклей «Родительское собрание» Рязанцеву, молодому, спортивному парню, стало плохо с сердцем. И вызвали «неотложку». И второй акт он играть не мог. Тогда партнер взял текст учителя «на себя», ссылаясь на то, что «Павел Петрович сказал бы...» И зритель поверил, что именно так мог сказать именно этот Павел Петрович.

Это — случай. Они не так часто встречаются в театре. Но, случаясь, характеризуют — актера, человека, у которого может разболеться сердце от чужой, им не пережитой, но пропущенной через себя судьбы.

Такова уж профессия: постоянно накапливая, необходимо и постоянно тратить. Накапливать извне и тратить себя.

А он, словно подслушав мысли и вроде бы поглощенный футбольным матчем, что транслировали по телевидению, не отводя взгляда от экрана, тихо отчеканил:

— Что ж в этом парадоксального? Ведь играем — из себя. Из себя создаем. Из чего же еще? Но и здесь свои нюансы. Вот, говорят, в работе над ролью надо идти от себя. Понятно, нужно. Но идти! Не себя играть, а от себя отталкиваться. От самого себя ухода. И тогда что-то личное затухает, а что-то заостряется... Может, в тебе самом и мизер-то того, что по роли необходимо, но мизер этот укрупняется... Иначе, что же — творчество? Ведь

«Я СОГЛАСЕН БЫТЬ И ФЛЕЙТОЙ, И БАРАБАНОМ, НО В РУКАХ ЧУТКОГО МУЗЫКАНТА»,

— говорит актер Русского
драматического театра ЭССР
Александр Рязанцев.

не только постоянная саморастрата, как это любят утверждать...

Он все-таки оторвался от футбола, хотя игра — та, что на поле, увлекала, поглощала. И можно было понять: хорошая игра, и наблюдал ее тот, кто сам играть живет, пусть не на поле — на сцене, и игру способен оценить. Он все-таки отвлекся от футбола, хотя разговор наш, в общем-то, закончился, и можно было спокойно «болеть» за любимую команду. Но своя, собственная боль оказалась сильнее боли пассивного наблюдателя пусть даже самой захватывающей игры.

— Кого только не играл — Шекспира, Погодина, Булгакова, Уильямса, Роцина, Ветемаа... У кого только не играл — у Корогодского в Ленинграде, у Вадима Голикова в Петрозаводске и в спектакле Ленинградского телевидения... Здесь, на таллинской сцене, за четыре с лишним сезона больше пятнадцати ролей... В чем-то везло, в чем-то не очень. И прекрасный драматургический материал не всегда соотносился с режиссурой. Но была работа! Как принято говорить? «Актер раскрылся в этой роли!» Бред! Дали роль!!! И режиссура может быть замечательной, и атмосфера — помечтать. И разжевать все можно до самого основания — а ничего не произойдет. Ибо прежде всего — ролевой материал. Ну, а потом уже — разработка. Разумеется, с верой в то, что сделаешь. Хотя и чувства — вещь капризная. Это ведь — игра с самим собой. И никогда не знаешь, взлетишь или же,

наоборот, закрепостишься. Это — загадка. Кто может ее разгадать?

Среди своих героев он Ильмара выделяет — из пьесы Энна Ветемаа «Ужин на пятёрках». Пьесы, выстроенной по всем законам драматургии, где одно вытекает из другого, где все мотивировки внутренне обоснованны.

— Не-е-ет, это пьеса не о вrede пьянства, — Рязанцев делает страдальческое лицо, словно представляя, что ему пришлось бы играть пьесу о вrede пьянства. — Это пьеса о любви.

В его Ильмаре, человеке слабом, противоречивом, было заложено здоровое начало, и, пасаю перед житейскими трудностями, он словно отдалялся от самого себя. Не предавал, а именно отдалялся. И потому все лучшее рушилось, что мелкие проблемы заслоняли главное, и за ними герой Рязанцева уже не замечал, что рушится любовь — любовь, как данность, а не как награда.

— К разным ролям подходишь по-разному. К одной — с повышенным энтузиазмом, когда все-все хочется переиграть на репетиции, к другой — очень осторожно, — он сделал жест, будто боялся что-то расплескать. — Но как бы то ни было, каждую роль играешь, будто она первая в твоей жизни. И каждый раз стараешься сбросить этот тяжкий груз — груз сыгранных ролей. Ведь бывает и так, что все события происходят за кулисами, а настроение надо вынести на сцену. Если конфликт в процессе — лег-

профессия. Сущность ее во многих радостях, но еще и в том, чтобы наступать, когда необходимо, «на горло собственной песне». Ради спектакля, ради своей же роли в нем. Другое дело, краски, нюансы, средства выразительности — ищи их. Но в пределах режиссерского замысла, ибо работаем мы «на одну мельницу».

Не так давно мы встретились с Рязанцевым в спектакле «Ретро», где он играл оценщика мебельной комиссии. И была у актера своя трактовка образа, которую в душе он считал точной в решении характера. По его мнению, Леонид постоянно мимикрирует, представляясь таким, каким хотят его видеть окружающие, но в душе мучается тем, что духовные ценности променял на материальные. Художественному руководителю постановки Григорию Кроманову нужно было другое — полная и окончательная деградация личности, уже не замечающей собственного цинизма — это было в русле режиссерской концепции. Убедил ли постановщик Рязанцева? Во всяком случае, Рязанцев сыграл то, что от него требовали, ибо Кроманов верил в то, что актер понимает замысел.

— Да, инструмент — пусть так. Но в руках чуткого музыканта. И тогда я согласен быть и флейтой, и трубой, и барабаном, и даже просто скрипящей за сценой дверью. Но только при одном условии: если у актера и режиссера есть свой, не нуждающийся в расшифровке язык. Единомышленники — это ведь не значит, когда люди мыслят одинаково. Во-первых, не бывает одинаково мыслящих людей, во-вторых, они были бы неинтересны друг другу. Единомышленники — это когда мыслят в одном направлении: у режиссера не успела слететь фраза, а я уже развиваю ее — своим актерским аппаратом.

Сейчас Рязанцев репетирует роль Людовика XIV в спектакле, который по пьесе Булгакова «Мольер, или Кабала святош» ставит режиссер Михаил Лурье. Он умышленно обходился все попытки поговорить о новой работе. И пока остается только предполагать, каким будет король Рязанцева. И подождать до премьеры.

Элла АГРАНОВСКАЯ,
фото Калью КОЛЬКА.